

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

МОРАЛЬ КАК ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Совесть — нравственное чувство, позволяющее определять ценность собственных поступков. Через совесть человек познает этические ценности в их фактическом виде. В узком смысле слова совесть определяется как нравственное сознание, ориентирующее человека в космосе поступков. Способность к оценке действий с точки зрения добра и зла — основная черта человека, которая хотя и изменчива, но все же без сомнения свойственна людям. Однако в реальности она может притупляться или оказаться предельно ослабленной. Христианская этика сравнивает совесть с окном, через которое проникает божественная воля.

Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость, — учил Платон. По мнению Аристотеля, совесть — это правильный суд доброго человека. Цицерон же считал, что «свидетелем нашим является бог, то есть наша совесть».

Кант полагал, что человек может хитрить сколько ему угодно. Он может пытаться представить свое поведение, которое нарушает закон, представить как оплошность, просто как неосторожность. Он может даже признать себя в данном случае невиновным. Однако он не может предохранить себя от самопорицания и упреков самому себе. Именно на этом основывается раскаяние в давно совершенном поступке при каждом воспоминании о нем. Это — мучительное, вызванное моральным убеждением, ощущение практически бесполезно. Но как душевная боль оно правомерно¹. Немецкий философ оценивает совесть как сознание, которое является долгом само по себе. «Существует принцип морали, не нуждающийся ни в каком доказательстве: не следует совершать ничего, что может оказаться несправедливым»². Следовательно, по Канту, сознание справедливости действия — это без-

условный долг. Справедливо ли вообще действие или несправедливо — об этом судит рассудок, а не совесть. Но в отношении того, что намерен предпринять я сам, я должен, согласно Канту, не только предполагать или думать. Я должен быть уверен, что это не несправедливо. Такое требование есть постулат совести.

Кант определяет совесть и иначе. Он называет ее самой себя судящей моральной способностью суждения. Совесть, разъясняет свою мысль немецкий философ, не судит поступки или прецеденты, надлежащие определению закона. Это делает разум, поскольку он бывает практическим. Но когда речь идет о совести, человек сам выступает свидетелем против и за себя...

Эти рассуждения Кант сводит к жестким словам: «Есть моральные свойства, при отсутствии которых не может быть никакого долга их приобрести»³. Иначе говоря, моральное чувство, совесть, любовь к ближнему и уважение к самому себе — либо есть в человеке, либо нет. Он сам себе судья... Какие выводы следуют отсюда? Совесть не есть нечто приобретаемое. Каждый человек как нравственное существо имеет ее в себе изначально. Совесть — это практический разум, напоминающий человеку в каждом случае о его долге. «Поэтому когда говорят: у этого человека *нет* совести, то этим хотят сказать, что он не обращает внимания на суждение ее. Ведь если бы у него действительно не было никакой совести, то он не мог бы ничего вменять себе как сообразное с долгом или в чем-то упрекать как в нарушающем долг, стало быть, он не мог бы даже помыслить для себя долгом иметь совесть»⁴.

Рассуждения Канта безмерно логичны. Что, к примеру, такое бессовестность? Это не отсутствие совести, а склонность не обращать внимания на ее голос. Поступать по совести даже не может

¹ Кант И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 4. М., 1994. С. 491-492.

² Кант И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 6. М., 1994. С. 202.

³ Там же. С. 440.

⁴ Там же. С. 442.

быть долгом, ибо тогда должна была бы существовать вторая совесть, чтобы осознать действие первой. Какой же выход? Культивировать свою совесть, все больше прислушиваться к голосу внутреннего судьи и использовать для этого все средства.

Каждый человек имеет совесть. Он всегда ощущает в себе внутреннего судью, который наблюдает за ним, грозит ему и вообще внушает ему уважение (связанное со страхом). Эту силу человек создает не сам. Она коренится в сущности человека. Она следует за ним как тень, когда он намерен ускользнуть от нее. Она может с помощью наслаждений и развлечений заглушать или усыплять себя. Однако она по самому своему определению обладает свойством очнуться. Таким образом, совесть — это дело самого человека. Однако обвиняемый и судья — не одно и то же лицо. Если бы это было так, то обвиняемый всегда бы выигрывал. Он просто сам и оправдал бы себя. Поэтому совестливый человек полагает не себя, а кого-то другого судьей своих поступков. Это другое лицо может быть действительным или чисто идеальным существом, которое создало разум для самого себя.

По Канту, совесть должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед Богом за свои поступки. Понятие ответственности всегда содержится в моральном самознании. Итак, когда заговорит совесть, есть и обвинитель, и адвокат. Но спор решается не полюбовно, а по всей строгости закона. Приписать кому-нибудь растяжимую совесть — то же самое, что сказать: он бессовестен. Страдание, которое человек испытывает от угрызений совести, хотя и морально по своему происхождению, но по результату оно физическое, как и горе, страх и другие болезненные состояния.

Совесть формируется в процессе воспитания, однако, как писал Кант, «заставлять детей заучивать готовые предписания — бесполезное дело, которое может лишь внушить превратное представление о благочестии. Истинное богопочитание состоит в том, чтобы действовать по воле Божьей. Вот что следует преподавать детям⁵. Итак, закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, применение наших поступков к этому закону.

О природе — субъективной или объективной — совести мнения философов расходятся

основательно. Оригинальную мысль высказывал, например, Гегель. «Совесть в отличие от закона бесправна в государстве; ведь если человек взывает к своей совести, то у одного может быть одна совесть, а у другого — другая. Чтобы совесть была правой, необходимо, чтобы то, что она признает правым, было таковым объективно».

Феномен совести был исследован и русскими философами. Анализируя концепцию Канта, В.С. Соловьев писал, что совесть для немецкого философа является действительной опорой его этической концепции. Совесть есть больше, чем требование. Она есть факт. Но феномен совести — это все-таки философская проблема. Дело в том, что голос совести говорит не совсем то, что он должен бы говорить. Объективное значение этого голоса остается проблематичным. Кант признает чуждыми для истинной нравственности не только мотивы своекорыстного расчета. Так, человек, который из простого чувства жалости помогает бедствующему ближнему, не обнаруживает этим «чистой воли». Его действие, следовательно, по Канту, лишено нравственного достоинства. «Голос совести, свидетельствующий о нравственном порядке, — пишет В.С. Соловьев, — наполнял душу Канта благоговением»⁶.

В.С. Соловьев писал о том, что чувство жалости выражает внутреннюю солидарность живых существ. Однако оно не тождественно с нею, сохраняя свою психологическую отчетливость по сравнению с безотчетным стыдом. Формально-нравственный элемент стыда выделяется в виде того более тонкого и отвлеченного чувства, которое зовется *совестью*.

Факт совести сам по себе еще не освобождает от пристрастности. Если совесть есть только психический феномен, то в чем же ее обязывающая сила? А если она есть нечто большее, то, по мнению Соловьева, нравственный закон не только в нас. Он независим от нас. Кант ясно видел бездну, которая отделяет то, что связано с безусловным нравственным законом и тем, что есть в действительности. В.С. Соловьев полагает, что для обоснования чистой нравственности необходимо бытие Божие и бессмертной души⁷. Русский философ проводил различие между стыдом и совестью. По его мнению, из трех пер-

⁵ Кант И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 8. М., 1994. С. 458.

⁶ Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1988. С. 242.

⁷ Там же. С. 244.

вичных основ нравственной жизни человеку принадлежит стыд, жалость и благоговение. «Если первичная основа совести есть чувство стыда, то, очевидно, у животных, лишенных этого элементарного чувства, было бы напрасно искать более сложного явления его — в совести. Когда из смущенного вида провинившихся животных выводят отсутствие в них совести, этот вывод, несомненно, основан на недоразумении, именно на смешении двух явлений... Нравственному состоянию возбужденной совести или раскаяния аналогично в умственной сфере сознание сделанной ошибки или промаха...»⁸.

Как следует подходить к изучению совести в качестве специфического феномена социального бытия? По мнению Н.А. Бердяева, «этика должна раскрывать чистую совесть, незамутненную социальной обыденностью, она должна быть критикой чистой совести»⁹.

Но как же в таком случае оценивать реальные человеческие действия? Признать их абсурдом? Французский философ А. Камю поясняет: «Абсурд не есть дозволение каких угодно действий. «Все дозволено» не означает, что ничто не запрещено. Абсурд показывает лишь равноценность последствий всех действий. Он не рекомендует совершать преступления (это было бы ребячеством), но выявляет бесполезность угрызений совести. Если все виды опыта равноценны, то опыт долга не более законен, чем любой другой. Можно быть добродетельным из каприза».

Итак, совесть — это надсмотрщик, приставленный к человеку им самим. Она заставляет его действовать в соответствии с желаниями и целями, которые он сам считает своими, в то время, как на самом деле они являются интериоризацией внешних социальных требований.

Нет более гордого заявления, чем сказать: «Я буду поступать по совести». На протяжении всей истории люди всегда отстаивали принципы справедливости, любви и правды в противовес всякому давлению, направленному на то, чтобы люди поступали безнравственно. Пророки действовали в согласии с совестью, осуждая и предсказывая государствам гибель, потому что те погрязли в жестокости и несправедливости. Вот и пушкинский «вдохновенный кудесник» отвечает князю Олегу:

*Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен,
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.*

Если бы не совесть, человечество давно бы увязло в болоте мерзости.

Однако от имени совести действовали и инквизиторы, которые сжигали людей на кострах, и завоеватели, которые покоряли народы. Поистине нет ни одного жестокого или равнодушного поступка, совершенного против других или против себя самого, который нельзя было бы подвести под веление совести. О чем же это говорит? О том, что власть совести всегда востребована. Она нуждается в поддержке.

Совесть — феномен весьма запутанный. Неужели все это многообразие есть одно и то же? Различно только содержание. Или это различные феномены с одинаковым общим названием «совесть»? Философы дали огромное разнообразие ответов на поставленные вопросы. Цицерон и Сенека говорили о совести как о внутреннем голосе, который обвиняет и оправдывает наши поступки с позиции нравственного достоинства. Философия древнегреческих стоиков толковала совесть как заботу о своей личности. Другие мыслители описывали ее как сознание внутренней гармонии. В философии средневековья совесть понималась как закон разума, внушенный Богом. Ницше, едкий критик религиозной совести, называл ее «плохой совестью».

Когда мы поступаем по совести, кого мы слушаем? Может быть, это голос родительских запретов? Не исключено, что это исходит от какого-то авторитета — учителя, лидера, вожака? Теперь можно спросить: чем же мы руководствуемся, если следуем чужому голосу? Может быть, мы боимся наказания или ждем награды? Часто переживания, которые люди принимают за чувство вины, на самом деле страх перед авторитетом. Собственно говоря, такие люди испытывают не чувство вины, а чувство страха. Часто санкции внешнего авторитета становятся частью конкретного человека.

Совесть же — более эффективный регулятор человеческого поведения, чем страх перед внешним авторитетом. Однако многие руководствуются все же тем, что опираются в своих поступках не на внутреннее убеждение, а на чужие ценности. Такую совесть немецкий философ Эрих Фромм назвал «авторитарной». Нормы поведения

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 32.

оказываются значимыми не потому, что они хорошие, а потому что они предписаны авторитетом. Так что окажись эти нормы плохими, они тоже будут элементом совести.

Авторитарная совесть вызывает чувства благополучия и безопасности, поскольку подразумевает большую близость к авторитету и его одобрение. Нечистая, отягощенная сознанием своей вины совесть вызывает чувство страха и неуверенности, незащищенности. Это потому, что действия против воли авторитета предполагают возможность наказания и презрения со стороны авторитета. Для авторитарного человека нет ничего страшнее этого. Конечно, любовь и одобрение авторитета доставляют ей величайшее удовлетворение. Но даже наказание лучше, чем отвержение. Наказывая, авторитет все же остается с такой личностью. Даже если человек «согрешил», то наказание в конце концов доказывает, что авторитет все еще заботится о нем.

Библейская легенда о преступлении Каина и его наказании дает классическую иллюстрацию того, что человек больше всего боится не наказания, а отвержения. Бог принял дар Авеля, но не принял Каина. Без всякого повода Бог поступил с Каином самым страшным образом. Он отверг его дар, а значит отверг и его. Это было настолько непереносимо для Каина, что он убил Авеля. В чем же состояла расплата Каина? Бог не убил его и даже не повредил ему. Бог вообще запретил кому-либо убивать его (знак, которым Бог отметил Каина, запрещал убивать его). Он был наказан изгнанием. После того как Бог отверг его, он был изгнан людьми. Это наказание было поистине таково, что Каин вынужден был сказать: «Наказание мое больше, нежели снести можно».

Если говорить об авторитарной совести, то получается, будто чистая совесть — это сознание того, что ты угодил авторитетам. Нечистая совесть — это сознание того, что ты не угодил им. Но каково же содержание авторитарной совести — и чистой, и той, которая отягощена сознанием вины? Самое страшное преступление для авторитарной совести — это бунт против установленных авторитетом порядков. Так, неповиновение означает «главный грех», а повиновение — главнейшую добродетель. Повиновение подразумевает признание за авторитетом высшей власти или мудрости. Его права управлять, награждать или наказывать на основа-

нии собственных декретов, указов или других предписаний. Авторитет требует подчинения не на основе только страха перед его силой, но на основе убежденности в его моральном превосходстве и праве.

Должное уважение авторитета влечет за собой строгий запрет на всякое сомнение в правильности его действий. Авторитет может удостоить объяснением по поводу награды или наказания. А может и воздержаться от этого. Человек же никогда не имеет права спрашивать его или критиковать. Долг признания превосходства авторитета отражен в нескольких запретах. Наиболее ясный, понятный из всех — это запрет чувствовать себя или тем более пытаться стать подобным авторитету. Это противоречило бы его безоговорочному превосходству и уникальности.

Жители Вавилона были наказаны за попытку силами самих людей построить блаженную жизнь на земле. Прометей был прикован к скале за то, что выдал людям секрет огня. Более тонкое и скрытое чувство вины возникает у ребенка из переживания, что родители им недовольны. Иногда чувство вины связывается у ребенка с недостаточной любовью к родителям, особенно в тех случаях, если родители претендуют быть единственным центром привязанностей ребенка. Иногда оно возникает из страха разочаровать родителей в их ожиданиях.

Даже в демократической культуре родители хотят, чтобы их дети были «услужливыми», слушали бы их во всем. Если родители не преуспели, то они считают, что их дети должны достичь такого успеха, чтобы возместить им чувство неудовлетворенности. Если родители недостаточно любимы (особенно если они не любят друг друга), дети должны восполнить им недостаток любви. Если родители чувствуют себя в общественной жизни недостаточно сильными, они хотят возместить этот недостаток за счет постоянного влияния на детей и контроля над ними. Даже если дети соответствуют ожиданиям родителей, они все равно испытывают чувство вины за то, что не до конца оправдывают эти ожидания и надежды. За то, что они огорчают родителей.

Наиболее эффективный способ ослабить волю ребенка — это пробудить в нем чувство вины. Как только воля ребенка оказывается сломленной, в силу вступает еще один способ усиления и закрепления чувства вины. Ребенок

смутно сознает, скорее ощущает, свою подчиненность и поражение.

Человек, совершивший убийство, может испытывать муки совести. Но чем продиктованы эти муки? Скорее всего, чувством вины и возможного возмездия. Пушкинский Борис Годунов признается:

*Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить,
Ничто, ничто ...едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом.
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда...ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.*

Совесть — это «когтистый зверь». Но кроме «авторитарной совести» существует еще совесть гуманистическая. Она не продиктована стремлением угодить. Это реакция всей полноты нашей личности. Это блюститель нашей чистоты. В ней заключена суть нашего нравственного опыта. Любые попытки ущемлять, унижать себя, быть игрушкой в руках другого противоречат требованиям совести. Однако чтобы слышать голос нашей совести, мы должны уметь слушать себя. Но именно в этом лежит главная трудность для большинства людей. Мы слушаем чей угодно голос, но только не свой собственный.

Человечество за последние пять-шесть тысячелетий сформулировало этические нормы. Они выражены в различных философских и религиозных системах. С ними должна сверяться совесть каждого человека, если он в своем развитии не начинает с нуля — откуда начало свое развитие человечество в целом.

Только что с телеэкрана слетела чудная фраза: «На свете так много жестоких людей, я бы их всех поубивала...»

В Санкт-Петербурге шел судебный процесс. Преступник, совершивший кровавые злодеяния, сидел на скамье, наголо обритый, поигрывая желваками. Полуприкрыв веки, он разглядывал прокурора, который только что произнес обвинительную речь. Какая мысль терзала сознание

изобличенного? Возможно он ощущал страх или муки раскаяния... А может быть, в его воображении жила неотвязная картина: он, еще не схваченный ментами, натывается на прокурора в безлюдном темном переулке. А потом я видел этого преступника, когда читали смертный приговор. Теперь его взгляд казался бессмысленным, остановившимся. Прозвучали последние слова о неотвратимой казни, и зал разразился аплодисментами.

Что меня поразило в этом разбирательстве? Не кровавые злодеяния садиста, не мертвенная тишина зала, не прокурорская непреклонность... Я был потрясен неожиданными рукоплесканиями... Только что в зале мелькнула злобная тень с косой. Прозвучало слово о насильственном прерывании жизни. Возможно, я не прав, но мне кажется было бы уместнее, если бы люди сидели молча, размышляя о странной цепочке событий, в которые мы вовлечены. Или, удрученные ликом смерти, без слов продвигались бы к выходу, чтобы вернуться к житейским делам. Но радостное освобождение присутствующих выразилось иначе — они рукоплескали казни.

Иной сразу выразит недоумение: что тут особенного, так было всегда. Разве толпы в Древнем Риме не рукоплескали, когда гладиаторы убивали друг друга? Не доставляло ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Человеческая жизнь редко в истории представляла собой особую ценность.

Миг современности и пласты вечности. Мы вглядываемся в пучину истории. Мы вызываем в сознании образ древней прародительницы. Ищем изображение человеческого лица в наскальных рисунках, в миниатюрах иссохшего пергамента. Во фресках величественной усыпальницы фараона. Мы разглядываем предметы утвари, орудия погребения, украшения. Вот он — человек...

А это кто же? Кровавая месть метит жертвы. Еще живых, дышащих засыпают землей. Пленников бросают в пламя. По сигналу хана негодным переламывают позвоночник. Потом кошмарное изобретение — гильотина... Окровавленная голова вызывает восторженный рев толпы. Изошренные пытки в подвалах. Фабрики смерти. Убийство, поставленное на конвейер. Цивилизованное зверство, не имеющее аналогов в истории...

В сознание людей давно проникла мысль: не вторглись ли в людское сообщество некие человекоподобные существа? Нет ли среди нас чудовищ в людском обличье? Человек необъясним, загадочен. У некоторых, возможно, вообще нет ни совести, ни сострадания. В психике этих людей есть врожденный изъян. Схваченные на месте преступления, они не понимают, чем так обескуражены люди. Возможно, так вел бы себя волк, если бы его судили за съеденных зайцев. Он, вероятно, признал бы: да, напал и терзал жертвы. Да что тут необычного?

Поначалу философы задались вопросом: была ли совесть, например, у древних греков? Ведь многие античные герои поступали преступно, потому что к этому их приговорил рок. Например, мифический Эдип убил своего отца. Но ведь он всячески старался избежать этого поступка. Однако случилось все, что предсказал оракул. Выходит, Эдип без вины виноватый...

Потом немецкий философ Георг Гегель поставил диагноз душегубам: «морально невменяемы...» Пушкин напишет об одном из таких персонажей, что он не ведает святыни, что он не помнит благостыни...

Недавно пятнадцатилетний мальчишка сказал своей двенадцатилетней подруге, что он ее очень любит и потребовал половой близости. Приятельница отказала, и тогда он ее задушил. Здесь как-то причудливо смешались две шекспировские трагедии. И снова рождается предположение в духе итальянского психиатра Чезаре Ломброзо: среди нас живут монстры, которые действительно лишены совести. Потому что они не люди. У них совсем иная родословная...

Среди философов-антропологов обсуждается новая версия. Оказывается, неандерталец вовсе не является прямым предком человека. Эволюционная нить живого и разумного много раз прерывалась. Путь к мыслящему человеку не раз оборачивался тупиком. Известный психолог Борис Поршнева считал, что человека как единого вида попросту нет. Внутри людского скопища, по крайней мере, два совершенно разных подвида. Они отличаются противоположными психогенетическими комплексами. Подавляющее большинство — это стадо. Остальные — хищники...

Согласно этой теории, прачеловек был неплохо укоренен в природе, но он не занимался хищничеством. Однако внутри предчеловеческого рода произошла какая-то катастрофа.

Мы не знаем ее природы. Получилось так, что человекообразные животные стали поедать себе подобных. Сформировался хищный вид — сверхживотное. Это предки первоубийц и людоедов. К ним примкнули агрессивные приспособленцы. Они стали подражать сильным животным, которые не знают ни угрызений совести, ни жалости, ни нравственных терзаний. Жестокость и хитрость — вот их козыри...

Но это еще не весь «человековейник». Два других нехищных подвида как бы несли в себе «укорененность в природе». Отвержение насилия оказывалось для них врожденным инстинктом. Однако людоеды по призванию нуждались в пище. Представьте себе — к молодой и весьма привлекательной недоженщине приближается красавец питекантроп. Она вся млеет в ожидании любовных утех. А тот неожиданно хватает ее за горло и начинает терзать плоть.

Перечитаем немецкого философа Фридриха Ницше и обнаружим, что он, оказывается, еще в позапрошлом веке описал эти поведенческие реакции у людей. Он отметил стадное поведение большинства и бросающуюся в глаза хищность властителей. Власть по праву можно считать одной из фундаментальных тем в одном ряду с такими, как любовь, смерть, смысл жизни. Можно вспомнить знаменитую «кротость» царя Давида, который беспощадно расправлялся с населением завоеванных городов. А можно и царя Ирода, который, узнав о рождении Иисуса, призванного в будущем стать мессией, приказал вырезать всех младенцев.

В чем тут прозрение Ницше? Можно предположить, что в современном человечестве существуют люди с противоположными психофизиологическими генотипами. Власть — это обнаружение хищного поведения. Итак, среди нас есть морально невменяемые люди. Их ни переделать, ни перевоспитать. Они рождены для убийства. Каждый из них приговорен «чикотилить». Такое открытие, сделанное Ницше, Ломброзо и другими исследователями, откровенно обескураживает. Оно заставляет нас менять ориентиры. Ужесточение наказания не приводит к уровню снижения преступности. Рождаются новые нехристи...

Сразу возникает желание улучшить человеческую породу. Может быть, проще выявить этих нелюдей еще до того, как они совершили преступление, и отстрелять их. Борис Диденко в книге «Хищная власть. Зоопсихология сильных

мира сего» предлагает именно такой путь. Он даже показывает, что некоторые народы, которые бессознательно прошли такой маршрут, уже близки к благоденствию.

Как-то по случаю попал я на телепрограмму «Национальный интерес». Размышляли о тоталитарных сектах. Люди традиционно верующие пламенно рассуждали о духовности, время от времени выкрикивая: «Голову таким надо отрывать». Я спросил, как совместить духовность с раскалыванием черепов? Мне пояснили: духовность можно внедрить только насильем. Пример тому — инквизиция...

Итак, борьба против бесовских — расправа. Выходит, человек, как ни крути, во всех своих ипостасях — убийца...

Но может быть, поискать другие пути? Если мораль — редчайший феномен, то как должны поступать люди, а не сверхживотные, служащие

заветам нравственности? Может быть, наконец, осознать, какую огромную роль в судьбе людей играет мораль. Если она будет поправа, люди превратятся в стадо... Все святыни будут утрачены...

Между тем мы живем в обществе, где мораль все чаще оказывается ненужным реликтом. Обсуждая преступные деяния политиков, мы толкуем об их целесообразности. Обосновывая рыночные отношения, одновременно насаждаем хищничество. Анализируя политические события, охотно отвлекаемся от нравственных оценок. Сугубо взыскательного человека, слушающего голос совести, почитаем за чудака. Может быть, мы становимся заложниками сверхживотных? Те, у кого есть совесть, должны, наконец, осознать свое кровное родство. Без такого сплочения человечество может погибнуть.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Кант И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 6. М., 1991.
3. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль. Вып. 8. М., 2008.